

веления божеств через свою душу и систему своих морально-этических ценностей. Это люди со свойственной им противоречивостью действий и поступков, чувством острой душевной борьбы между долгом и чувством. Преодолевая барьер мифического сказания, трагедия становится искусством. На смену «веку богов», по формулировке Д. Вико, идёт век героев и век людей.

Источники и литература

1. Авдеев А. Д. Происхождение театра: Элементы театра в первобытном строе / Под ред. Л. П. Потапова. – М.-Л.: Искусство, 1959.
2. Аполлодор. Мифическая библиотека. – Л.: Наука, 1972.
3. Аристотель. Об искусстве поэзии / Пер. В. Г. Аппельрота, ст. А. С. Ахманова и Ф. А. Петровского, коммент. Ф. А. Петровского – М.: Гослитиздат, 1957.
4. Борухович В. Г. История древнегреческой литературы: Классический период. – М.: Высшая школа, 1962.
5. Гачев Г. Д. Содержательность художественных форм. Эпос. Лирика. Театр. – М.: Просвещение, 1968.
6. Гигин. Мифы / Пер. с лат. Д. О. Торшилова; под общ. ред. А. А. Тахо-Годи. – СПб.: Алетейя, 2000.
7. Головня В. В. История античного театра. – М.: Искусство, 1972.
8. Грабарь-Пассек М. Е. Античные сюжеты и формы в западноевропейской литературе. – М.: Наука, 1966.
9. Еврипид. Трагедии. В 2-х т./ Пер. с древнегреч. – М.: Искусство, 1980.
10. Иванов Вяч. Ив. Дионис и прадионисийство. – СПб.: Алейтейя, 1994.
11. История греческой литературы в 3-х т. / Под ред. Соболевского. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946.
12. Кун Н. А. Легенды и мифы Древней Греции. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2005.
13. Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. – М.: Учпедгиз, 1957.
14. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. – М.: Мысль, 1993.
15. Радциг С. И. История древнегреческой литературы. – 3-е изд. – М.: Высш. школа, 1969.
16. Софокл. Трагедии / Пер. с древнегреч. С. Шервинского; коммент. Н. Подземской. – М.: Искусство, 1979.
17. Тронский И. М. История античной литературы. – Л.: УЧПЕДГИЗ, 1947.
18. Эсхил. Трагедии / Пер. Вяч. Иванова. – М.: Наука, 1989.
19. Эсхил. Трагедии / Пер. с древнегреч. С. Апта. Коммент. Н. Подземской. – М.: Искусство, 1975.

Жердева А.М.

ПРОБЛЕМА РАССМОТРЕНИЯ ЛЕГЕНДЫ КАК ПРОМЕЖУТОЧНОГО ЖАНРА

Легенда – одна из наименее изученных разновидностей фольклора. Ее жанровое своеобразие и в наше время не вполне определено. Между тем она и в настоящее время остается живой и активной частью культурного сознания, что делает актуальным не только собирание легенд, но и прежде всего изучение сущности этого явления.

Владимир Яковлевич Пропп утверждал, что легенда является промежуточным жанром. Для В. Я. Проппа исходной точкой отсчета была сказка. Поэтому он выделил «досказочные» и «послесказочные» образования: «Обряды, мифы, формы первобытного мышления и некоторые социальные институты я считаю досказочными образованиями, считаю возможным объяснить сказку через них. Но сказкой не исчерпывается фольклор. Есть еще родственный ей по сюжетам и мотивам героический эпос, есть широкая область всякого рода сказаний, легенд» [5, с. 251]. То есть, по мнению В. Я. Проппа, легенда граничит с такими жанрами, как сказка, предание, эпос, и все они, в свою очередь, выходят из мифа, иногда перетекая друг в друга.

Многие исследователи говорят о трудности разграничения этих жанров: «Народные произведения далеко не так резко отличаются друг от друга, как отличает их этнографическая терминология. Народные песни, поверья, преданья, сказки и т. д. принадлежат одному и тому же народному воображению и создаются им без всяких литературных правил, и потому беспрестанно смешиваются один с другими и по предмету и по изложению» [6, с. 180].

Цель данной статьи – найти определение жанровых особенностей легенды. Для этого нам необходимо обратиться к пограничным явлениям – мифу и сказке, изученным европейской наукой весьма основательно. У нас есть их признаки, свойства и определения. Рядом с ними находится огромный массив текстов, определяемых как проза несказочного характера. Вот как, почти извиняясь, объясняет это К. В. Чистов: «в связи с отсутствием общего термина, обозначающего все разновидности народной прозы, за исключением сказки, мы вынуждены употреблять это описательное и негативное определение» [8, с. 262]. Это косвенно подтверждает актуальность данной проблемы.

Несомненно, почвой и литературы и фольклора является миф, возникший в синкретической культуре, когда религия, искусство и наука еще не начали своего самостоятельного существования. Хотя он повествует о событиях, воспринимаемых как достоверные, его нельзя считать историческим произведением. Но и литературой миф тоже не является. Это самая древняя форма представлений о мире.

Миф способен прорасти во множестве современных жанров литературы, не говоря о фольклоре. В связи с этим необходимо рассмотреть легенду в соотношении с мифом.

Отличить эти жанры иногда бывает сложно, близкое родство делает их очень похожими друг на друга. Вспомним сборник «Мифы и легенды Древней Греции» Н. А. Куна. Это один из самых популярных и авто-

ритетных русскоязычных источников. Книга не содержит отдельной маркировки мифов и легенд. Несмотря на название, её обычно рассматривают как собрание именно мифов. Справедлив комментарий С. А. Токарева: «По поводу греческой так называемой "мифологии" не надо забывать, что далеко не всё в ней представляет собой собственно мифы: так, например, сказания о Троянской войне и её героях скорее надо рассматривать как исторические легенды, хотя в них вплелись бесспорные мифологические образы и мотивы: боги, принимающие участие в сражениях, и пр.» [7, с. 452].

Последовательность возникновения этих явлений - очень спорный, не выясненный до конца вопрос. По мнению Проппа, сначала был миф, затем он трансформировался в сказку, после появилась легенда, в основе которой лежат миф и сказка. Другие исследователи ставят сказку последней в этой цепочке. Но все рассматривают миф как источник всех фольклорных жанров, включая и легенду. Научные сведения о том, как протекали эти процессы на заре формирования культуры, слишком ограничены. Однако мы располагаем некоторыми фактами, которые позволяют нам выразить сомнение по данному поводу и рассмотреть легенду не как производную от мифа, а как нечто изначально более древнее.

В европейской и отечественной науках распространён взгляд на легенду как порождение христианской культуры. Христианская легенда возникла исторически позже фольклорной. Пропп, рассматривая легенду как нечто вторичное после мифа и сказки, говорит о христианской легенде, не учитывая наличие более древних фольклорных легенд.

В современной науке уже существует разграничение двух типов культурных традиций. Первый – в котором господствующая религия сменила более ранние мифологические системы (практически это произошло только в христианстве и исламе), и второй, где мировая религия (например, буддизм в Индии) не отменила более ранние мифологические системы, а также для политеистических мифологий, не переживавших кардинальных изменений [3]. На наш взгляд, европейские народы до принятия христианства можно тоже отнести ко второму типу.

Согласно описанию американского исследователя Э. Сепира, у индейцев нутка на острове Ванкувер мифы, повествующие о происхождении мира и людей, то есть касающиеся всех, знает и имеет право рассказывать любой член племени, а легенды, сообщающие о событиях, положивших начало роду, являются принадлежностью («собственностью») членов рода [9, с. 27].

То, что легенды в первобытном племени были окружены большей таинственностью, чем общеизвестные мифы, может свидетельствовать о большей степени их сакральности. Всегда сакрализуются прежде всего актуальные ценности - это сущность мифа. В каком-то смысле можно рассматривать это явление как синоним мифологизации. В случае, описанном Сепиром, легенда, сообщающая о событиях, положивших начало роду, выступает как локальный космогонический миф, или микрокосмический. Применение понятия легенды по отношению к таким явлениям не распространено широко. Как говорилось выше, употребление понятия легенды не отличается большой строгостью. Обычно исследователи первобытных культур гораздо более озабочены тем, чтобы разграничить миф и сказку. Но миф первобытных культур скорее похож на легенду – в нём больше конкретного, чем в мифах цивилизаций.

Возможно, в первобытной культуре легенда - это начальный этап становления мифа, когда частное ещё не отделилось так заметно от общего, а конкретное – от абстрактного. И с появлением собственно мифических персонажей, с формированием мифологии как системы взаимосвязанных текстов и представлений легенда не отделяется от мифа, не противопоставляется ему.

Примеры этого легко обнаруживаются в древней Греции, где действие мифа могло привязываться к какому-то конкретному месту, что придавало ему близость с легендой. Известно, что на Крите показывали могилу Зевса. По этому поводу греки говорили, что все критяне лжецы. В самых древних мифологиях божества, действительно, не обладают бессмертием, и даже обретя его, не могут жить. Следовательно, мы имеем в критской легенде более древнее представление о Зевсе.

Древние греки указывали конкретное место, где по преданию, Прометей брал глину, из которой он слепил людей. Речь шла об особенной глине – она была смешана с пеплом и кровью титанов, растерзавших Диониса. Мы не можем определить время возникновения этой легенды. Миф о том, что человек слеплен из глины – один из древнейших, который мог возникнуть уже в эпоху неолита, после овладения гончарным мастерством. Сюжет о том, что люди созданы не из обычной глины, а из глины, смешанной с пеплом и кровью титанов, мог появиться только тогда, когда сформировалось представление о пантеоне богов, о борьбе их с титанами, то есть в гораздо более позднюю эпоху. Письменные источники указывают, что это предание секты орфиков, то есть, возможно, легенда возникла в I тысячелетии до нашей эры. Определение конкретного места нахождения этой глины связано с тем, что она там якобы обладала особым запахом и цветом. В данном случае особенность местной почвы объясняется через общегреческий миф.

В обоих случаях мы имеем дело с чрезвычайно отчетливым присутствием сакрального начала. Мы предполагаем, что легенда о глине, из которой Прометей делал людей, более поздняя, чем о могиле Зевса (она основана на мифе о растерзании Диониса титанами), но она сосуществует с мифом, не отделяется от него, вбирает в себя элементы мифа. Возможно, легенда начинает отличаться от мифа тем, что она получает более локальный характер, привязывается к отдельным местам, событиям, личностям. Ее локальность связана с большей вариативностью. Легенда находится, с одной стороны, как бы на периферии мифологии, а с другой стороны – начинает жить самостоятельной жизнью, не сливаясь с каноническим мифом. Возможно, это и есть ее самое главное отличие от мифа.

Деривационные мифы служат доказательством того, что миф никогда не прекращал своего развития. Поэтому важно проследивать дальнейшее продуцирование его культурным сознанием и продолжение жиз-

ни мифа в различных формах культурного сознания. В этом случае легенда – это просто одна из наиболее наивных и ранних форм мифотворчества, которая вновь и вновь возникает во все эпохи и взаимодействует с уже сложившимися мифическими представлениями более поздних культур.

Таким образом, легенда и древнее мифа по форме сознания – и нередко новее его именно потому, что она не связана с каноническими текстами, оказывается более свободной и способной к видоизменению и росту. А многие мифы либо застывают в каком-нибудь культе, либо превращаются в общекультурные символы.

С этой точки зрения само слово легенда в христианской культуре, возможно, скорее замещает понятие мифа, поскольку оно было связано с язычеством и на нем лежал оттенок именно неистинности, лживости.

«Вытеснение старых мифов из повествовательных жанров при сохранении их содержательной стороны в ритуале и несюжетных ритуальных текстах (а также в несакральных сюжетных текстах, как былички и сказки) вызывает потребность в жанре, который воспроизводил бы сюжетику предшествующей мифологии» [3, с. 45]. Прекрасным примером могут послужить христианские легенды, которые представляют собой тексты, аксиологический статус которых более низок, чем у канонических. Они, однако, выполняют по отношению к господствующей системе ритуалов ту же функцию, что миф в традиционных ритуальных системах. «Легенды, относящиеся к христианским святым и частично воспроизводящие сюжеты дохристианских мифов, оказываются одним из средств перекодировки дохристианских представлений в христианских символах» [3, с. 45]. Жития святых, будучи менее каноничными текстами, чем священное писание, допускают смешение с нехристианскими мотивами, вплоть до превращения в подобие некоего политеистического пантеона.

Итак, **общие черты** мифа и легенды: 1). Уверенность носителей в достоверности сообщаемого. 2). Элемент "чудесного". 3). Повествовательная форма.

Отличия: 1). Хронотоп. Привязанность легенды к историческому времени и (или) к определенному географическому месту. С этим связано отличие в аудитории мифа и легенды. 2). Различия в статусе персонажей. Действующими лицами легенды могут выступать исторические лица или персонажи мифов, но в легендах боги и герои выглядят более приземленно. К примеру, Иисус Христос выступает в человеческой ипостаси. 3). Степень сакральности является переменной величиной. И легенды и мифы могут быть связаны с культом и не связаны с ним. Видимо, самые архаические легенды более сакральны, чем общие мифы, а в современных культурах уровень их сакральности заметно понижен, потому что они находятся на периферии религиозного сознания или же вообще не связаны с ним, в то время как классический миф непременно сакрален.

Ослабление степени сакральности в легенде поздних культур сближает ее со сказкой и подчеркивает их общность, в противоположность мифу, который всегда сакрален, пока в него верят. В. Я. Пропп признается, что «в отдельных случаях между сказками и легендами трудно установить границу» [5, с. 51], хотя настаивает на их различии. Особенно трудно различить эти сродные жанры, когда речь идет о волшебной сказке: «Не всегда последовательно проводится разграничение жанра волшебной сказки и родственных, но, по существу, отличных жанров, в которых тоже фигурируют чудесные существа и события: мифа, саги, легенды» [2, с. 245].

Сложность различения жанров мифа и сказки привела к появлению термина «сказки легендарного характера». Этому термину придерживались А. Арне, А. М. Андреев, Ю. М. Соколов, которые причисляют легенды к сказкам, но особого вида – «легендарным сказкам».

Эти споры объясняются схожестью этих жанров, общими корнями и тем, что за время своего существования они смешивались, но не только между собой и мифом, но и с другими жанрами. Об этом говорит А. Н. Пыпин: «Легенда от беспрестанного обращения в народе иногда смешивалась с другими рассказами. В ее христианские рассказы вплетались разные посторонние черты из старых мифических воспоминаний: к библейскому сказанию о сотворении мира примешалась космогония древних обрядовых песен, в историю благочестивых людей попали подробности из народных сказок, в преданья об аде и рае вошли принадлежности новейшего быта» [6, с. 187].

Можно ли согласиться с тем, что легенда – это подвид сказки? При современном понимании легенды – нет, это различные жанры, но, несомненно, взаимосвязанные. Но тогда возникает еще более сложный вопрос: что возникло раньше?

В 19 веке А. Н. Афанасьев утверждал, что сказка предшествовала легенде: «Народная песня и сказка в самом деле не раз обращались к священному писанию и житиям святых, и отсюда почерпали материал для своих повествований. <...> песня обратилась в стих, сказка в легенду» [1, с. 12]. А. Н. Пыпин соглашался с ним: «Наконец, источником народной легенды были и предания, шедшие не из книги, а жившие в самом народе, как песня и сказка» [6, с. 187]. В. Я. Пропп также предполагал, что сказка возникла до легенды. Но все эти ученые рассматривали легенду как жанр, сопутствующий христианской религии. Поэтому с ними нельзя полностью согласиться.

Это особенно наглядно становится тогда, когда речь идет о фольклорной легенде. Например, говоря о тотемизме в сказке и легенде, В. Я. Пропп невольно доказывает, что легенда предшествовала сказке. «Предок племени заблудился в лесу, ему угрожает смерть от голода или жажды. Животное ведет его к ключу воды или показывает ему путь домой. Если всмотреться в этот материал, который очень близок к нашим сказкам, но представляет ступень веры, то становится весьма вероятным, что и благодарное животное есть предок. Здесь только нет момента пощады, так как тотемисту не могло даже прийти в голову нацелиться на свой тотем. При существовании тотемизма запрет "не ешь эту рыбу" произносят люди, а впоследствии этот

запрет превращается в просьбу о пощаде, приписываемую самому животному» [5, с. 244]. Итак, по свидетельству самого В. Я. Проппа, тотемистические представления в легенде, несомненно, более древние, нежели в сказке.

В разных культурных традициях происхождение сказки и легенды может быть неодинаковым. Возможно, они возникли синхронно, по-разному переняли сюжетику мифа, выполняя различные функции. Сказка взяла себе развлекательную, а легенда более серьезную, приближенную к функции мифа.

Целесообразно найти общие черты сказки и легенды: 1). Повествовательная форма. 2). Некоторые сюжеты и мотивы, особенно фантастические. 3). Легенда иногда использует начальные формулы сказки, главным образом волшебной.

Отличия: 1). Сказка воспринимается слушателями как явный вымысел, события легенды обычно маловероятны, но представлены как возможные. Отсюда проистекают различия в хронотопе. Легенды привязаны к географическому месту и историческому времени, тогда как в сказках неуточненное место («в некотором царстве, некотором государстве»), неуточненное «абстрактное» время. 2). «Сюжет сказки строится обычно на «чудесах», а легенды – на «чуде» [4, с. 128]. И речь тут идет не просто о количестве чудес. Чудеса сказки носят развлекательный характер. В легенде чудо строго подобрано, чтобы подчеркнуть важность происходящего события. Исключением являются чудеса, которые происходят в легендах о святых. В них они – доказательство святости, и чем их больше, тем более уважаемым является святой. 3). Сказка – жанр твердой формы, имеющий определенные структурные особенности, а легенда – жанр свободной формы, он может заимствовать у сказки структурные элементы как устойчивые начала, но сам их не имеет [4, с. 128]. В. Н. Морохин отмечал, что у легенды «отсутствует устойчивая композиционная структура построения, ее текст не содержит традиционных присказок, зачинов и концовок» [4, с. 178]. Если зачин взят из волшебной сказки, то это только заимствование. 4). Сюжеты легенд гораздо более разнообразны, нежели сюжеты сказок (волшебных). 5). Вопрос о персонажах остается не до конца разработанным. В. Н. Морохин, например, считал, что «в сказке действуют обычно простые смертные – мужик, барин, поп, а в легенде к ним присоединяются еще и святые» [4, с. 128]. Но это утверждение справедливо лишь тогда, когда мы сравниваем бытовую сказку и христианскую легенду. Бытовые сказки близки к анекдоту, а в волшебных – многие персонажи фантастичны. Различие в другом – в структуре образов. В легенде различные персонажи, например, старик и Христос могут представать как в равной мере достоверные.

Долгое время легенда рассматривалась как жанр религиозной литературы. С этим, по-видимому, и связана трудность ее жанровой характеристики. Уточнение жанровых дефиниций должно опираться, прежде всего, на различие между фольклорной и христианской легендами, а также между легендой, мифом и сказкой. Эти жанры возникали в разное время. На наш взгляд, основным критерием должен служить критерий сакральности. Мифы в начале своего существования были не только священным, но и тайным знанием. Постепенно они становятся общим достоянием. Их содержание входит в часть религиозного сознания или используется на символическом уровне другими формами культуры. Легенда, судя по всему, может возникать на любом этапе исторического развития, сохраняя привязанность к определенному хронотопу, но вбирая в себя мифические представления, ставшие неотъемлемой частью культурного сознания.

Волшебная сказка еще близка к мифу и легенде, но имеет развлекательный характер и воспринимается уже как абсолютный вымысел. Окончательно разрушив структуру мифа, появляется бытовая сказка, наполненная обыденными деталями повседневной жизни.

Целый ряд черт легенды обладает рядом переменных характеристик. Связь с культом, наличие чудес, уровень сакральности и персонажей и событий. Это составляет сложность определения жанра и требует дальнейшего глубокого изучения.

Источники и литература

1. Афанасьев А. Н. Народные русские легенды – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1990.
2. Герхардт М. И. Искусство повествования. Литературное исследование «1001 ночи». – М.: Наука, 1984.
3. Левинтон Г. А. Легенды и мифы. // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2-х т. – М.: НИ Большая российская энциклопедия, 1998. – Т. 2. – С. 45-47.
4. Морохин В. Н. Прозаические жанры русского фольклора: учебное пособие. – Горький: Горьковский гос. ун-т, 1977.
5. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1946. – 340 с.
6. Пыпин А. Н. Русские народные легенды. // Афанасьев А. Н. Народные русские легенды. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1990.
7. Токарев С. А. Ранние формы религии. – М.: Политиздат, 1990.
8. Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVIII–XIX вв. – М: Наука, 1967.
9. Sapir E. Indian legends from Vancouver Island // Journal of American Folklor. – 1959. – V. 72, № 284. – P. 25-30.